

Шелестенье неведомого мира...

Category: Edebi makalalar, Kitapcy

написано kitapcy | 25 января, 2025

Шелестенье неведомого мира... ШЕЛЕСТЕНЬЕ НЕВЕДОМОГО МИРА...

(О творчестве Ольги Чугай)

Мы познакомились с ней в 1976 году. По началу заочно, когда в очень популярном тогда журнале «Юность» я прочла стихи, которые меня сразу «зацепили». Запомнила имя автора – Ольга Чугай. «Это же очень известный поэт», – сказали мне друзья, когда я поделилась с ними своим открытием. А через полгода мы познакомились с Ольгой уже лично. В прошлом году мы отпраздновали бы с ней сорокалетие нашей дружбы. Но не довелось – в декабре 2015 года мы проводили ее в последний путь.

Ольга Олеговна Чугай родилась в 1944 году в Москве. Воспитывалась в семье деда, профессора филолога А.С. Беднякова. Возможно, именно он привил ей тонкое чувство языка, трепетное отношение к слову, к музыке стиха... Стихи Ольга писала с ранней юности. Очень интересовалась мировой историей. В 1964 она поступила на исторический факультет МГУ. Но, доучившись до последнего курса, решила не защищать диплом, а последовать совету профессора П.А. Зайончковского и профессионально заняться литературой. В 1990г. она окончила Высшие литературные курсы при Союзе писателей СССР.

Она была видной фигурой в мире поэзии. Много занималась и поэтическим переводом с английского, чешского и других языков. Руководила литобъединением в УДН им. П.Лумумбы, молодёжной литературной студией при Союзе писателей. С 1977 по 1990 вела «Лабораторию первой книги» при Московской писательской организации. Через эту «Лабораторию» прошли многие, тогда молодые, а ныне известные поэты. Думаю, еще предстоит оценить то, что она сделала для поэзии как общественный деятель. Но все же, в первую очередь, она была замечательным поэтом. При жизни она опубликовала два сборника

стихов: Судьба глины (М.: Советский писатель, 1982) и Светлые стороны тьмы (М., 1995). Это, конечно, не считая многочисленных публикаций в периодике.

Стихи Ольги Чугай – это как и то таинственные сигналы из неведомой области, таящейся за грубой скорлупой обыденной реальности. Она обостренно чувствовала, как «Незримо кружат возле нас // Неведомые сферы, // И незаметные для глаз // Вселенные живут». Обращалась ли она к прошлому или к настоящему, писала ли о Средней Азии или о Москве, она все время ощущала «шелестенье // Неведомого мира под ногой». Очень часто обращалась к теме детства, когда маленький человечек еще ощущает свое родство с миром растений, животных и даже предметов. Такие стихи писались «В надежде объяснить и объясниться // На языке, утраченном давно, // Забытом в детстве, с детством заодно». Мысль о взаимосвязи всего сущего проходит через многие ее стихи: «Человек, и дерево, и птица // Из одних волокон сплетены». Поэтому в ее стихах птицы могут зацвести, а сирень – запеть.

Одним из сквозных символов ее поэзии является дерево. Нередко она уподобляет дереву и саму себя:

Вот я расту – растопырив корявые ветки –
Вот я расту, и летят мои желтые листья –
Желтые птицы – иволги и синицы.

.....

Деревом стала,
Стану травой, голубем, дымом.

Но не только детство человека, но и детство человечества завораживало художественный взор поэтессы:

На ладони большой пустыни
Золотой тонколицый мальчик
Детство первых людей танцует...

Она очень любила Среднюю Азию, часто бывала в **Туркмении** и Таджикистане, дружила с тамошними поэтами, профессионально занималась изучением восточного декоративноприкладного искусства. После этих поездок рождались замечательные стихи.

Поэтические циклы **«Старый Мерв», «Поющая роза» и «Парфянская ласточка»** — одни из вершинных в ее творчестве.

Хорошо зная мировую историю, она особенно интересовалась архаическим периодом. Нет, она не плутала в лабиринте времен, но воспринимала времена и эпохи, как бы из некоей вневременной точки.

Ее волновала проблема времени и вечности: «Мы, люди, волны // Мы — вода, // Мы к вечности течем». Кстати, образ воды, реки тоже один из важнейших, системообразующих образов ее поэтического мира. Например: «Снился мне сон бесконечный: // В белой воде по колено, // Не ощущая движенья, // К берегу тихо влекома...» Этот образ (вода, река, поток) несет на себе в ее стихах большую смысловую и эмоциональную нагрузку. Как правило, он многозначен. В частности, с водной стихией связано в ее поэзии представление о различных метаморфозах внешнего мира, необычных состояниях сознания, когда мир предстает поэту вне привычных, обыденных форм. Это происходит и при погружении в поток времен:

Что это было, скажи мне?

Мир потерял очертанья.

Медленно и невесомо

В гору мы шли по дороге.

Годы летели, как птицы,

Тысяча лет пролетела.

Шли мы, не ведая страха,

В гору по древнему миру.

Время то ли растягивается, то ли спрессовывается, замедление парадоксальным образом вызывает ускорение, ускорение становится равнозначным замедлению... То ли «бесконечный сон», то ли бесконечное просыпание, нескончаемый переход через реку — в иное качество, к иному видению.

Тема сновидения, а также сна наяву — тоже излюбленная ее тема.

Иногда в ее стихах сон символизирует собой неведение, от которого еще предстоит очнуться:

Мы сладко дремлем наяву

В пеленках атмосферы,
Покуда каждого из нас
На суд не сволокут.
Ответствуй, прокричит труба,
За каждый вздох – ответствуй!
Проснись, к пространству прикоснись –
Дыши, припоминай,
Как в небе яростно горит
Большое солнце детства
И волны хлещут, и ревут,
И рвутся через край.

Однако было бы неверным считать ее человеком, отрешенным от мира сего. Она всегда была в гуще литературных и житейских событий, окружена людьми... Особенно любила помогать молодым поэтам... Но даже сквозь те строки, которые она посвящала современности, бытовым аспектам жизни, проступали отблески какого-то иного, нефизического пространства. У нее немало стихов, посвященных Москве, ее улочкам, дворикам, домам. Они изобилуют конкретными деталями, описаниями городских ландшафтов, приметам быта, в том числе – коммунального. И все же, даже когда память возвращает ее к московскому детству, пришедшемуся на 50е годы прошлого века, туда, «К тарараму, к неустройству // Общих судеб и квартир, // К злему бабьему геройству // Над залатываньем дыр», сквозь всю эту выпуклую конкретику сквозит что-то еще. Например, в стихотворении «Большая Оленья», она так описывает эту московскую улицу: «С незабвенным хрустом снега, // С волхованием листвы. // Ты, сбегаящая с неба // На окраину Москвы».

Хотелось бы сказать несколько слов и о языке этой поэзии. Чугай пишет не словами и не синтагмами, но речевым потоком. Конечно, предложения у нее есть, и они формально завершены. Но это предложения неравномерной длины, нередко в 5, 7, 9 строк. Причем, начало одного как бы уже вызревает в середине предыдущего. Но не столько на уровне явленной мысли, сколько на уровне звука. Нередко она писала белым стихом, которым владела виртуозно. В этом случае ее стих держится на сильной

фонописи уподобленных друг другу в звуковом отношении слов. Для таких стихов характерны льющаяся строка с плавными переносами, фразы длинные, как река или долгий, медленный переход через реку... Она считала, что «слова грубей и тверже звуков», и потому в ее стихах звук как бы предшествует словам, в которых он «оплотняется» и материализуется. Впрочем, и рифмованным стихом она владела мастерски. Случались у нее и верлибры...

...Она ушла в мир иной после продолжительной болезни, которую переносила очень мужественно. Остались ее стихи. Теперь это уже литературное наследие, которое еще предстоит осваивать и изучать.

Я очертила только некоторый круг тематических и стилистических особенностей этой замечательной поэзии.

Я специально не разбирала и не цитировала в своем кратком вступлении стихи из предлагаемой читателю подборки, чтобы он мог войти в них без посредника. Edebi makalalar